

ЖАРТІІІД.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕАТРЪ ЗАГРАНИЦЕЙ.

дивительны парадоксы современности, и одинъ изъ удивительнѣйшихъ — словъ нѣтъ — раздвоение Московскаго Художественнаго Театра. Еще недавно казалось: что бы ни было, — Театръ Станиславскаго и Немировича-Данченко не можетъ, не измѣнивъ себѣ, не утративъ сущности своей, отказаться отъ того единства вдохновляющей воли, которому служилъ онъ вѣрой и правдой слишкомъ двадцать два года. Недѣлимымъ, неразрывнымъ цѣлымъ, не духовно только, но и физически, мыслился Художественный Театръ...

Однако, случилось немыслимое. Россія раскололась. Распалась на-двое русская культура. И вотъ, неожиданно для себя и по счастью для насъ, эмигрантовъ, — если позволительно говорить о нашемъ счастье! — раздвоился Художественный Театръ, хоть и остался, конечно, духовно единымъ.

Да... Иначе не скажешь. Раздвоился. Два Художественныхъ Театра теперь: одинъ въ Камергерскомъ переулкѣ, другой — въ заграничныхъ кочевьяхъ. Третій годъ уже, какъ группа „художниковъ“, во главѣ съ Качаловымъ и Книпперъ-Чеховой, застигнутая междоусобицею на харьковскихъ гастроляхъ, оказалась вдругъ за чертою родины и начала бродячую жизнь (сперва — Югъ Россіи, Крымъ, Грузія, потомъ — Константинополь, Софія, Бѣлградъ, Загребъ, Любляны, Осекъ, опять — Загребъ и Бѣлградъ, и наконецъ — Вѣна и Прага), — между тѣмъ, какъ верховные жрецы Театра, Станиславскій и Немировичъ-Данченко, продолжали работу въ Москвѣ, сокративъ репертуаръ за недостаткомъ отвѣтственныхъ исполнителей, но все же не отказываясь и отъ новыхъ постановокъ: байроновскій „Каинъ“, оперетта „Дочь Мадамъ Анго“ и въ самое послѣднее время возобновленный „Ревизоръ“, въ декораціяхъ Юона, съ Москвинымъ въ роли Городничаго и Михаиломъ Чеховымъ-Хлеста-

ковымъ. О крупномъ успѣхѣ этихъ спектаклей до-ходили слухи и въ наше изгнаніе.

На дняхъ я разспрашивалъ о Москвѣ одного чеха, вернушагося оттуда нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Онъ особенно восторгался „Дочерью Мадамъ Анго“ въ постановкѣ Немировича-Данченко. Не хвалилъ, а умилялся.

„Ничего похожего на Западѣ“, повторялъ мой собесѣдникъ, видѣвшій на своемъ вѣку знаменитыя оперетты Парижа, Берлина, Вѣны. „Театръ въ Камергерскомъ переулкѣ еще разъ одержалъ настоящую побѣду таланта и вкуса. И въ какое время, въ какихъ труднѣйшихъ условіяхъ для веселаго творчества, для всякаго творчества! Искристая легкость игры, костюмы, декораціи, стиль, неподобная законченность деталей, передающихъ ароматъ позавчерашняго Парижа, — все это увлекаетъ, захватываетъ, какъ въ лучшіе дни Театра, не взирая на ужасъ, что творится за его стѣнами.“

Ну, развѣ не парадоксъ и не чудо? Ленинскій Кремль, чрезвычайка, голодъ, комиссарская публика, грызущая сѣмьчки, артисты, въ свободные часы „холтуриящіе“ по деревнямъ мерзлую картошку, чтобы какъ нибудь подкормиться, и этотъ блестящій, не въ примѣръ Парижу и Вѣнѣ, изысканно-волнующій спектакль, легкомысленная Анго на подмосткахъ Театра, временно покинутого частью лучшихъ своихъ силъ!

Воистину, неисповѣдимы судьбы русскаго генія.

Не меньшее чудо, что и говорить, Художественный Театръ за рубежомъ, — Театръ, что недавно прогремѣлъ въ славянскихъ земляхъ и въ Вѣнѣ, а въ недалекомъ будущемъ, послѣ лѣтняго отдыха, окажется, надо думать, желаннымъ гостемъ въ Германіи и во Франціи...

Дѣйствительно, этому Театру, изъ Харькова, отбитаго деникинскими добровольцами (въ іюнѣ 1919 года), попавшему нежданно-негаданно на взыскательный судъ Европы, пришлось работать въ об-

становкѣ, настолько необычной и подчасъ тяжелой, что прямо не знаешь, кому изъ его дружной семьи удивляться больше. Главнымъ ли артистамъ, вынесшимъ на своихъ плечахъ безконечный рядъ нелегкихъ во всѣхъ отношеніяхъ спектаклей? Остальнымъ ли сотрудникамъ, сумѣвшимъ, какъ и старшіе товарищи, приспособиться къ случайностямъ импровизированныхъ гастролей, при рѣзкихъ смѣнахъ публики, да еще не понимающей по-русски? Или — администраторамъ, разрѣшившимъ на рѣдкость удачно проблему этого долгаго путешествія „таборомъ“ (въ общемъ — около сорока человекъ) въ наши дни „визъ“, жилищнаго кризиса и пограничныхъ придиорокъ? Или — тѣмъ, менѣе замѣтнымъ, героямъ кулисъ, декоратору, бутафору, костюмеру, электротехнику, которымъ удавалось въ каждой данной обстановкѣ добиваться традиціонныхъ внѣшнихъ тонкостей, прославившихъ недаромъ Театръ „чеховскихъ настроеній“ и литературной изощренности?

Не надо забывать, что Театръ не привезъ изъ Москвы всѣхъ пьесъ, составляющихъ теперешній его репертуаръ. Онъ готовился къ нѣсколькимъ вечерамъ въ Харьковѣ, а понадобилось исподоволь возобновить добрую треть московскихъ постановокъ, замѣняя однихъ артистовъ другими, приноравливаясь къ новымъ исполнителямъ ролей, съ величайшимъ трудомъ подбирая попутно нужный реквизитъ. Собственно готовыхъ пьесъ, вывезенныхъ изъ Москвы со всѣми аксессуарами, было только двѣ: „Дядя Ваня“ и „Вишневый садъ“. Теперь же походный репертуаръ Театра — двѣнадцать произведеній! Кромѣ названныхъ: чеховскія „Три сестры“, „Братья Карамазовы“ (два вечера) по роману Достоевскаго, „Гдѣ тонко, тамъ и рвется“ Тургенева, „На всякаго мудреца довольно простоты“ Островскаго, „На днѣ“ Горькаго, „Осеннія скрипки“ Сургучева, „У вратъ царства“ и „У жизни въ лапахъ“ Гамсуна, „Потопъ“ Бергера и „Вечеръ чеховскихъ миниатюръ и художественныхъ отрывковъ“.

Общее число всѣхъ сыгранныхъ представлений, начиная съ 5 октября прошлаго года, когда труппа высадилась въ Константинополь, и по день окончанія гастролей въ Прагѣ, — сто двадцать пять. Слѣдовательно, считая восемь мѣсяцевъ, приходится по одному спектаклю на каждые два дня приблизительно. Въ теченіе восьми мѣсяцевъ скитанія по Европѣ, Театръ игралъ, въ среднемъ, черезъ день. Какой энергіи, какого организаторскаго умѣнія, какой солидарности и любви къ дѣлу потребовало, отъ всѣхъ, безъ исключенія участниковъ, это возсозданіе родного Театра, скромно называющаго себя „Спектаклями артистовъ Московскаго Художественнаго Театра!“

Составъ труппы, послѣ того, какъ присоединилось къ ея начальному ядру нѣсколько артистовъ, покинувшихъ еще раньше Совѣтороссію, достигъ двадцати человекъ. Вотъ перечень въ алфавитномъ порядкѣ: Н. Г. Александровъ, А. С. Астаровъ, П. А. Бакшеевъ, И. Н. Берсенева, В. И. Васильевъ, М. Н. Германова, В. М. Гречь, В. И. Качаловъ, О. Л. Книпперъ-Чехова, С. М. Коммиссаровъ, Е. О. Краснопольская, М. А. Крыжановская, Н. Н. Литовцева, Н. О. Массалитиновъ, В. Г. Орлова, П. А. Павловъ, Е. О. Скульская, А. К. Тарасова, М. М. Тархановъ, П. О. Шаровъ.

Главный режиссеръ — Н. О. Массалитиновъ. Режиссеры — Н. Н. Литовцева и Ш. Сураварди.

Режиссеръ-администраторъ — С. Л. Бертенсонъ. Художникъ-декораторъ И. Я. Гремиславскій и представитель администраціи, на которомъ лежитъ вся финансовая и хозяйственная часть, Л. Д. Леонидовъ.

Заграничный успѣхъ Художественнаго Театра превысилъ все, что можно было ожидать. Успѣхъ русскаго театральнаго дѣла, русской драматургіи, русскаго артиста и, я бы сказалъ, „русской души“, выраженной русскимъ искусствомъ... Плѣнило, заворожило иностранцевъ именно русское. Объ этомъ свидѣлствуютъ и цифровыя данныя: количество сыгранныхъ представлений по пьесамъ репертуара.

Статистика подтверждаетъ преимущественный интересъ къ русскому репертуару, къ пьесамъ Чехова въ особенности. Оно и понятно. Иностранцы интересуются Россіей во-первыхъ и только во-вторыхъ — русскимъ актеромъ. Отъ русскаго театра Европа ждетъ обнаруженія Россіи, русской жизни, русскихъ думъ и настроеній. Чеховъ въ этомъ отношеніи безконечно показателенъ. Удивляться ли, что именно Чеховъ захватилъ театральную публику и въ Болгаріи, и въ Юго-Славіи, и въ Вѣнѣ, и въ Прагѣ? Впрочемъ, главный успѣхъ выпалъ все таки не Чехову, а самому Театру въ цѣломъ.

Передо мною два объемистыхъ тома газетныхъ вырѣзокъ, тщательно собранныхъ С. Л. Бертенсономъ. Все, что написано о Театрѣ за восемь мѣсяцевъ. Читаю... и бодрѣе становится на душѣ за будущее родины. Я сомнѣваюсь, чтобы какой еще изъ европейскихъ театровъ обладалъ такимъ „документомъ славы“.

Къ сожалѣнію, славянскихъ языковъ я не понимаю точно и потому оставляю въ сторонѣ панегирики на болгарскомъ, хорватскомъ, сербскомъ и чешскомъ. Къ тому же скептикъ можетъ, пожалуй и не безъ основанія, заподозрить братьевъ-славянъ въ братской восторженности. Но вотъ — вѣнская пресса. Пишутъ трезвые нѣмцы, коихъ никакъ не заподозришь въ переоцѣнкѣ Россіи и русскихъ. Что же они пишутъ?

Любопытно прежде всего отмѣтить, что вѣнскіе критики плѣнились Художественнымъ Театромъ, не понимая по-русски: „ohne ein Wort zu verstehen“ — какъ признаются они. И тѣмъ не менѣе, врядъ ли можно сказать о „художникахъ“ больше, чѣмъ они сказали. Самое замѣчательное въ этихъ рецензіяхъ — единодушное признаніе превосходства русскаго театра передъ иностраннымъ. Духовность русскихъ, колдовство русскихъ, „тайна“ русской манеры, не игра, а безусловное перевоплощеніе, сама преображенная тончайшимъ искусствомъ жизнь, внутренняя музыка души народной не въ словахъ (которыхъ критики не понимали), а во всемъ сценическомъ бытіи, въ трепетной подлинности драматическаго жеста и драматической интонаціи, — эти восхищенные признанія не сходятъ съ устъ нѣмецкихъ писателей.

Сказать больше нельзя. Можно было только сдѣлать больше. Заграничный зритель и въ этомъ отношеніи не поспешилъ. Поѣздка по Болгаріи и Юго-Славіи, а затѣмъ гастролы въ Вѣнѣ и Прагѣ были

сплошнымъ торжествомъ Театра. Послѣ перваго же представленія, въ каждомъ городѣ, публика начинала относиться къ „художникамъ“ какъ къ любимцамъ, которымъ не можетъ быть оказано достаточно вниманія: многолюдныя встрѣчи и проводы, комитеты содѣйствія, рауты, банкеты, общественныя делегаціи, подарки, даже официальные знаки отличія, которыхъ, конечно, артисты меньше всего добивались . . . На вокзалѣ въ Софіи, гдѣ труппа оказалась проѣздомъ

дѣятели, литераторы, ученые . . . Можно сказать, все населеніе перебивало у русскихъ, стало учиться и научилось по-русски.

Кстати, загребскій театръ оказался учрежденіемъ первокласснымъ, съ отличной оперой и драмой, подъ руководствомъ культурнѣйшихъ режиссеровъ — д-ра Завеллы и Раича. Грустно было труппѣ разставаться съ духовной столицей Хорватіи, гдѣ она положительно обрѣла вторую родину. Но не меньшее

W. Katschaloff В. И. Качаловъ V. Katchaloff
Bastj, „In den Krallen des Lebens“ Бастъ, „Ужизни въ лапахъ“ Bast, „Dans les griffes de la vie“

въ 6 часовъ утра, ее встрѣтили полторы тысячи чело-
вѣкъ. Тутъ же поданъ былъ завтракъ, говорились
привѣтственныя рѣчи; купѣ, заранѣе приготовленныя
для Москвичей, были наполнены цвѣтами, корзинами
съ виномъ и . . . опрысканы одеколономъ!

Трогательная предупредительность сопровождала
ихъ повсюду. Вездѣ возникали дружескія отношенія
съ мѣстнымъ обществомъ; вездѣ горячія пробужда-
лись симпатіи къ Россіи. Особенно баловаль „худ-
ожниковъ“ Загребъ. Въ чествованіяхъ участвовали
представители всѣхъ хорватскихъ круговъ: высшая
военная администрація, общественные и политическіе

радушіе встрѣтило ее въ Бѣлградѣ и затѣмъ, какъ ни
странно, въ Вѣнѣ. Имѣлось въ виду всего нѣсколько
спектаклей въ Вѣнѣ, а играли почти цѣлый мѣсяцъ
при полныхъ сборахъ. Вѣнскій успѣхъ былъ, что
называется, литературнымъ успѣхомъ. Здѣсь
друзьями Театра стали виднѣйшіе современники:
Шнитцлеръ, Гофмансталь, Рихардъ Штраусъ, Та-
деушъ Риттнеръ (полякъ, пишущій по-нѣмецки, одинъ
изъ прославившихся за послѣднее время драматур-
говъ Бургтеатра) и др. Въ концѣ гастролей, по
просьбѣ вѣнскихъ артистовъ, „художники“ дали
спектакль только для нихъ. Всѣ другія предста-

вленія были отмѣнены, и зрителями Московскаго Театра въ этотъ вечеръ явились одни актеры и служащіе вѣнскихъ театровъ: въ общемъ — тысяча четыреста человѣкъ.

Почти сказкой представляется все это намъ, русскимъ, привыкшимъ относиться къ себѣ, къ достиженіямъ искусства, созданнаго на родинѣ, съ придирчивостью, слишкомъ часто несвободной отъ доктринерскаго пристрастія. Художественный Театръ еще задолго до войны съ легкимъ сердцемъ „хоронили“ въ кругахъ изысканнаго искусствопониманія. Провозглашали нѣкій Новый театръ, какъ антитезу традиціямъ „естественности и сердца“, традиціямъ чеховскаго реализма. Что касается поисковъ Театра Станиславскаго въ этомъ новомъ направленіи, то многимъ они казались обреченными на неудачу. Но, вотъ, все рухнуло на Руси, а Художественный Театръ живъ, и тотъ же чеховскій репертуаръ, та же красота „естественности и сердца“ повергають въ изумленіе искушенную новаторствомъ Европу. Выводы напрашиваются... Однако, это самостоятельная тема, которой не исчерпаешь въ двухъ словахъ. Такъ же, какъ и того впечатлѣнія, что произвела на меня лично игра отдѣльных „художниковъ“. Скажу только, что каждый разъ уходилъ я изъ пражскаго „Виноградскаго Дивадло“ съ мыслью о живомъ, о дѣйственномъ русскомъ театрѣ и о прекрасномъ будущемъ его, а не о театрѣ дорогихъ, но изжитыхъ воспоминаній. Многіе „старые“ артисты столь же неподражаемы въ новыхъ роляхъ, какъ и въ старыхъ, и не менѣе, чѣмъ они, восхищаютъ въ иныхъ роляхъ молодая силы труппы. Режиссерамъ, Н. О. Массалитинову и Н. Н. Литовцевой, пришлось, конечно, прежде всего „реставрировать“ московскія постановки. Съ этой нелегкой задачей они справились мастерски, такъ же, какъ и декораторъ И. Я. Гремиславскій, а новые штрихи, внесенные ими въ игру, примѣнительно къ индивидуальностямъ исполнителей, — на уровнѣ достиженій Станиславскаго и Немировича-Данченко.

Каковы намѣренія Театра въ ближайшемъ будущемъ? Несомнѣнно — продолженіе заграничныхъ

гастролей послѣ лѣтняго отдыха. Съ осени труппа увеличится. Въ нее вступаютъ извѣстный артистъ и режиссеръ, одинъ изъ организаторовъ Первой Студіи, Р. В. Болеславскій, и Н. Э. Колинъ, работавшій и въ Студіи и въ Художественномъ Театрѣ, а нынче подвизающійся въ парижской „Летучей Мыши“ Баліева. Вступленіе этихъ артистовъ дастъ возможность немедленно возобновить „Двѣнадцатую ночь“ Шекспира (въ свое время прошедшую 300 разъ въ Студіи) съ режиссурой Болеславскаго и Колинъ въ роли Мальволео.

Для открытія сезона намѣченъ Пушкинскій спектакль: „Каменный Гость“ и три картины изъ „Бориса Годунова“. При этомъ интересно распредѣленіе ролей: Пименъ — Качаловъ и Григорій — Берсенева, въ „корчмѣ“ Варлаамъ — Бакшеевъ и Мисаиль — Колинъ, и въ сценѣ у фонтана — Германова и Берсенева. Въ „Каменномъ Гостѣ“ — Качаловъ, Германова, Павловъ — Лапорелло, Орлова — Лаура, Болеславскій — Донъ Карлосъ.

Затѣмъ, на очереди — „Чайка“ съ Книпперъ-Аркадиной и Крыжановской-Машей. Четвертой пьесой пойдетъ „Гроза“ Островскаго (съ Германовой-Катериной) и пятой — „Гамлетъ“ съ Качаловымъ, но это лишь въ томъ случаѣ, если техническая часть выяснитъ, что тщательная постановка „Гамлета“ выполняется при наличныхъ возможностяхъ Театра.

Разговаривая съ „художниками“, я спрашивалъ о Москвѣ, о тамошнемъ житьѣ-бытьѣ Театра, о послѣднихъ вѣстяхъ отъ Станиславскаго.

Въ Москвѣ подвижничество продолжается, хотя живетъ все ту же... Только что возобновленъ „Ревизоръ“, какъ я уже упомянулъ, а въ Первой Студіи блестяще поставлена новая пьеса: „Эрикъ XIV“ Стриндберга.

Между прочимъ, бюджетъ совѣтскаго Художественнаго Театра утвержденъ на будущій годъ въ размѣрѣ одного милліарда семиста милліоновъ рублей... Судьбы отечественныхъ финансовъ тоже неисповѣдимы!

Сергѣй Маковскій.

Прага. Іюнь.